

Мельников Павел Иванович

**Полное собрание сочинений П.И.
Мельникова Андрея Печерского**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
П12

П12 **Павел Иванович М.**
Полное собрание сочинений П.И. Мельникова Андрея Печерского: Том 10 / Мельников
Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 245 с.

ISBN 978-5-519-96131-8

ISBN 978-5-519-96131-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Не прежде какъ отѣхавши версты полторы отъ Луповицъ, отецъ Прохоръ сталъ разговаривать съ Дуней. Обливаясь слезами, рассказала она все, что случилось съ нею минувшей ночью. Все рассказала, ничего не потаила отъ спасшаго ее отъ гибели. Молча и внимательно слушалъ отецъ Прохоръ исповѣдь Дуни. Когда жъ она все рассказала, спросилъ у нея:

— Зачѣмъ же вы, Авдотья Марковна, ежели рѣшились оставить ересь и самый домъ, гдѣ были совращены, зачѣмъ, говорю, пошли вы ночью на ихъ соборище и даже въ особую комнату для свиданія со злѣйшимъ еретикомъ Денисовымъ? Вѣдь я васъ предупреждалъ объ немъ... Еще слава Богу, что такъ обошлось, а то вѣдь непременно сдѣлались бы его жертвой. Немало бывало примѣровъ. Лишились бы и чести, и добраго имени, еслибы не молитвы за васъ святаго отца нашего Амвросія, епископа Медиоланскаго. Такъ я смотрю на дѣло вашего спасенія и глубоко вѣрую, что совершилось оно не иначе, какъ по ходатайству передъ Богомъ сего святителя. Примите же совѣтъ мой, примите стариковскую просьбу: ежели бы вы находились въ оградѣ истинной церкви, я бы при вашихъ недостаткахъ посовѣтовалъ вамъ устроить хоть придѣлъ въ честь и славу сохранившаго васъ отъ

гибели святителя, но какъ вы принадлежите къ тѣмъ, что разнятся съ ними въ обрядахъ и своихъ церквей не имѣютъ, такъ устройте хоть икону святителя Амвросія и всю жизнь свою утромъ и вечеромъ молитесь передъ нею теплою молитвой благодаренія. Святитель Амвросій Медиоланскій чествуется у вашихъ, равно какъ и у насъ—память его совершается въ седьмое число декабря, на другой, значить, день зимняго Николая. Послѣдуйте же моему совѣту, и святой отецъ не умалитъ дивныхъ своихъ къ вамъ милостей. Скажите мнѣ, исполните ли искренній и душевный совѣтъ мой?

— Исполню, отецъ Прохоръ, непременно исполню,—съ горячимъ порывомъ отвѣтила Дуня

— А ежели по молитвамъ отца нашего Амвросія, имѣющаго дерзновеніе обращаться съ ходатайствомъ къ Отцу Небесному, когда-нибудь, рано ли, поздно-ли, войдете вы въ ограду святой церкви, на что имѣю полную надежду, соорудите тогда хоть придѣлъ во имя его, а ежели достанетъ средствъ, то и новый храмъ.

Не отвѣтила Дуня отцу Прохору

— А ежели по Божію благословенію вступите въ жизнь супружескую,—продолжалъ онъ,—то первому сыну нареките имя Амвросій. Пускай и на старости вашихъ лѣтъ непрестанно напоминаетъ онъ вамъ преславное имя избавившаго васъ отъ гибели святителя.

Дуня опять промолчала... Больше версты они проѣхали молча. Наконецъ отецъ Прохоръ спросилъ:

— Скажите мнѣ теперь по чистой совѣсти самую сущую правду, что побудило васъ, открыто заявивши фармазонамъ, что вы душевно и тѣлесно чуждастесь ихъ, что побудило васъ придти на сходбище оныхъ богопротивниковъ и даже идти на свиданье съ Денисовымъ?

Дуня рассказала, какъ Луповицкіе ее уговорили, и какъ она до послѣдней минуты не предвидѣла со стороны Денисова ни обмана, ни злаго умысла.

— Злодѣи, злодѣи!—вскрикнулъ отецъ Прохоръ.— Доколѣ терпитъ имъ Господь!

И немного погодя, сказалъ:

— Я отвезу васъ въ губернію ¹⁾. Тамъ будетъ вамъ безопасно—еретики тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Привезу я васъ въ хорошій купеческій домъ. Семейство Сивковыхъ есть, люди благочестивые и сердобольные, съ радостью пріютятъ васъ у себя. Только ужъ вы пожалуста ни про нашихъ господъ, ни про Денисова, ни про ихъ богохульную вѣру ничего имъ не рассказывайте. Ежели донесется объ этомъ до Луповицъ, пострадать могу. Такъ ужъ вы, пожалуста, Богомъ прошу васъ, Авдотья Марковна.

— Будьте увѣрены, слова никому не вымолвлю,—отвѣчала Дуня.—И развѣ можно говорить мнѣ, ежели это повредить вамъ. Вѣдь вы мой избавитель, я вѣдь безъ васъ непременно бы пропала. А какъ бы послѣ того показалась я на глаза тятенькѣ?

— Такъ ужъ пожалуста. Я вполнѣ надѣюсь,—сказалъ отецъ Прохоръ.—А у Сивковыхъ какъ будетъ вамъ угодно—къ батюшкѣ ли напишите, чтобы кто-нибудь пріѣзжалъ за вами, или однѣ поѣзжайте. Сивковы дадутъ старушку проводить—сродница ихняя живетъ у нихъ въ домѣ, добрая, угодливая, Акулиной Егоровной зовутъ. Дорожное дѣло знакомо ей—всю почитай Россію не разъ изѣздила изъ конца въ конецъ по богомольямъ. У Сивковыхъ и къ дорогѣ сготовитесь, надо вѣдь вамъ бѣлья, платья купить. Деньги то есть ли у васъ на покупку и на дорогу?

¹⁾ Губернскій городъ.

— Денегъ у меня довольно, на все достанетъ,—отвѣчала Дуня.

— Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно,—проговорилъ отецъ Прохоръ.—А еслибы паче чаянія нуждались въ деньгахъ, можно бы было у Сивкова достать, онъ вѣдь каждый годъ къ Макарыю ѣздитъ и порядочное число соленой рыбы закушаетъ. Надо полагать, что и родители вашего знаетъ, можетъ-статься и знакомство съ нимъ водить. Онъ ни въ чемъ не откажетъ вамъ... Вотъ еще о чемъ спрошу я васъ, Авдотья Марковна,—немного подумавши, продолжалъ отецъ Прохоръ.—Не осталось ли у васъ въ господскомъ домѣ какихъ-нибудь писемъ или записокъ о вашихъ сношеніяхъ съ хлыстами?

— Нѣтъ, ничего не осталось,—отвѣтила Дуня.

— То-то, этого теперь пуще всего надо опасаться,—молвилъ отецъ Прохоръ.—Нужно вамъ сказать,—только до времени объ этомъ пока никому не говорите,—не въ долгомъ надо полагать времени господамъ Луповицкимъ будетъ разгромъ: найдетъ судъ, обыски начнутъ у нихъ въ домѣ дѣлать, пойдетъ слѣдствіе. Сохрани Боже, если найдется какой-нибудь клочекъ бумажки, гдѣ помянуто ваше имя. Это можетъ и васъ къ дѣлу припутать. А дѣло повидимому разгорится очень важное и для всѣхъ хлыстовъ Луповицкихъ и другихъ самое непріятное по своимъ послѣдствіямъ.

— Нѣтъ, отецъ Прохоръ, никакихъ моихъ бумагъ въ ихнемъ домѣ не осталось,—сказала Дуня.—Но что жъ это за слѣдствіе? Что такое случилось?

— Всего подробно теперь объяснить вамъ не могу,—отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Самъ многого не знаю. На третій день послѣ Успеньева дня я ѣздитъ въ губернію, въ консисторіи по одному дѣлу былъ тамъ одинъ вѣрный челоуѣкъ, хорошо знающій дѣла,

сказывалъ мнѣ, что новый владыка крѣпко принялся за хлыстовъ. Изъ Петербурга, слышь, изъ самаго Святѣйшаго Синода получили онъ указъ на счетъ господъ Луповицкихъ и о томъ, что скоро къ нимъ долженъ пріѣхать самый злѣйшій еретикъ Денисовъ... Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ихъ и накроютъ. А дѣло о хлыстахъ началось въ Москвѣ, и по взятымъ у нихъ бумагамъ открылось, гдѣ, въ какихъ, значить, мѣстахъ теперь они находятся. И повсюду, слышно, розыски пошли да слѣдствія. Не знаю ужъ, отъ кого и какимъ образомъ узналъ владыка, что я въ губерніи, и велѣлъ придти къ нему. И безъ малаго цѣлый часъ изволилъ келейно со мной бесѣдовать на счетъ Луповицкой хлыстовщины. Извѣстное дѣло, передъ архипастыремъ всю правду надлежитъ рассказывать. Я и рассказалъ. Тутъ владыка благословилъ меня ѣхать восвояси и примолвилъ о нашихъ сосѣдяхъ: «видно, имъ того же захотѣлось, что съ отцомъ ихъ было.»

— А что такое было съ ихъ отцомъ?—спросила ничего о старыхъ дѣлахъ не знавшая Дуня.

— Не слышали развѣ?—сказалъ отецъ Прохоръ.— Про это не любятъ они разговаривать. Отецъ вѣдь тоже былъ въ этой самой ереси, а какъ человекъ былъ знатный и богатый, то никто къ нему и прикоснуться, не смѣлъ. Сильная рука у него была въ Петербургѣ при самомъ царскомъ дворѣ находились друзья его и благопріятели. А все-таки не избѣжалъ достойной участи—въ монастырь сослали, тамъ въ безысходномъ заточеніи и жизнь скончалъ.

— А давно ль это было?—съ любопытствомъ спросила Дуня.

— Да ужъ лѣтъ тридцать прошло съ той поры, какъ его подъ стражей изъ Луповицъ увезли. Я былъ тогда еще вновь, только-что удостоился принять рукоположеніе.—отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Но его хорошо

помню—важный такой видъ имѣлъ, а корабль у него не въ примѣръ больше былъ теперяшняго. И въ томъ кораблѣ были все больше изъ благородныхъ да изъ нашего брата, изъ духовенства... А вотъ мы и пріѣхали,—прибавилъ отецъ Прохоръ, указывая на огоньки и на бѣлѣвшія въ полумракѣ зданія губернскаго города.

Отецъ Прохоръ подъѣхалъ къ большому каменному дому купца Сивкова. Радужно встрѣтили его и хозяинъ, только-что воротившійся отъ Макарья, и жена его, и двѣ снохи, и дальняя сродница Акулина Егоровна, та самая, что разъѣзжала, а иной разъ и пѣшкомъ ходила по богомолямъ. Отецъ Прохоръ рассказалъ хозяину придуманный дорогой вымыселъ на счетъ Дуни.

— Не знаете ли, Поликарпъ Андренчъ, Марка Данилыча Смолокурова, рыбой у Макарья торгуетъ?—спросилъ онъ Сивкова.

— Какъ не знать Марка Данилыча!—отвѣчалъ Сивковъ.—На Гребневской онъ первый воротило. Довольно знаемъ Марка Данилыча, не разъ товаръ бирали у него, кредитовались значить.

— Вотъ это его дочка,—сказалъ отецъ Прохоръ, взявши Дуню за руку.

Хозяйка, обѣ снохи и Акулина Егоровна стали обнимать и цѣловать Дуню. Какъ ни удерживалась Дуня, а отъ искреннихъ ласкъ незнакомыхъ людей слезы вдругъ въ три ручья покатились у нея изъ глазъ, а подступившія рыданья совсѣмъ было задушили ее.

— Что съ вами, что съ вами?—услуживая Дунѣ, говорили жена и снохи Сивкова, а старушка Акулина Егоровна со всѣхъ ногъ бросила за холодной водой и съ молитвой напоила Дуню. Той стало немного полегче.

Между тѣмъ отецъ Прохоръ рассказывалъ, что

Авдотья Марковна съ одной пожилой купчихой изъ ихняго города собралась съѣздить въ Кіевъ на богомолье, и далеко еще туда не доѣхала, какъ съ ней случилось несчастье. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Луповицъ остановились богомольцы ночевать на постояломъ дворѣ у крестьянина. И въ то время, какъ всѣ ужъ заснули, на томъ дворѣ загорѣлось. Авдотья Марковна съ вечера не раздѣвалась и въ одномъ платьѣ выбѣжала изъ пылавшаго дома, а ѣхавшая съ нею купчиха и еще семь ли восемь ли богомолковъ сгорѣло. Все имущество, и кибитка, и ямскія лошади, все погорѣло.

— А я тогда случился въ сосѣднемъ селѣ, — прибавилъ отецъ Прохоръ, — дѣльцо тамъ было одно у меня. Вотъ и взялъ я на свое попеченье безпріютную дѣвицу.

— Ахъ, Господи! Ахъ, горе-то какое! Всякаго избави и сохрани Господи отъ такой бѣды! — воскликнули женщины, осыпая ласками Дуню.

— Это въ Перигоровѣ пожаръ-отъ былъ? — спросилъ Поликарпъ Андренчъ.

— Такъ точно, — отиѣчалъ отецъ Прохоръ. — А я на ту пору былъ въ селѣ Слизневѣ, и версты не будетъ отъ Перигорова-то, побѣжалъ на пожаръ, да и нашелъ Авдотью Марковну.

— И до насъ объ этомъ пожарѣ вѣсти дошли, и про то еще рассказываютъ, что сколько-то богомольцевъ тутъ сгорѣло, — сказалъ Сивковъ.

А дня за три въ самомъ дѣлѣ былъ пожаръ въ Перигоровѣ, и нѣсколько человекъ, Богъ ихъ знаетъ откуда пріѣхавшихъ, сгорѣло на постояломъ дворѣ. Отецъ Прохоръ этимъ случаемъ воспользовался для своего разсказа.

— Какъ взялъ я Авдотью Марковну, такъ и порѣшилъ, не заѣжая домой, къ вамъ ѣхать, — продол-

жалъ отецъ Прохоръ. — На васъ разсчитывалъ, знаи, что не покинете бѣднѣжку въ трудномъ ея положеніи. Опять же и то, что здѣсь можно ей будетъ во всемъ исправиться: бѣлья купить, платя и всего другого, что понадобится. Деньги есть у Авдотьи Марковны, а вотъ шубейку и платокъ, и черевки у Слизневской матушки попады на время для нея я взялъ, было бы въ чемъ до васъ доѣхать. Ужъ вы сдѣлайте милость, Поликарпъ Андреичъ, примите въ ней участіе. Родитель ея будетъ вамъ очень благодаренъ за неоставленіе единственной дочери.

— Объ этомъ, отецъ Прохоръ, нечего и толковать,—сказалъ Поликарпъ Андреичъ. — Опрічь того, что Марку Данилычу я всегда и во всякое время со всякой моей радостью готовъ услужить, насколько силъ и умѣнья станеть, мы бы и по человѣчеству должны были принять участіе въ такомъ несчастіи Авдотьи Марковны. Не соскучилась бы только у насъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Дунѣ.

— Помилуйте, Поликарпъ Андреичъ. Да я къ вамъ точно въ рай попала, послѣ того, что было со мной,—со слезами благодарности отвѣтила Дуня.

— Полноте, полноте, вы опять за слезы!—вскликнулъ Сивковъ.—По моему вамъ бы теперь отдохнуть, успокоиться. Семеновна, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—и вы сношеньки, подите-ка, мои матушки, успокойте Авдотью Марковну. А завтра поѣзжайте съ ней за покупками. А ежели у васъ, Авдотья Марковна, въ деньгахъ можетъ быть недостача, такъ вы объ этомъ не извольте беспокоиться—чѣмъ могу служить, все для васъ и для Марка Данилыча сдѣлаю.

Поликарпъ Андреичъ вдвоемъ остался съ отцомъ Прохоромъ. Долго разсуждали они, какъ быть съ Дуней. Наконецъ рѣшили такъ: только-что исправить она свои покупки, отправить ее къ отцу съ Аквудиной

Егоровной, а межъ тѣмъ послать письмо къ Марку Данилычу и отписать, гдѣ теперь она находится и въ какой день намѣрена въ дорогу выѣхать.

На другой день отецъ Прохоръ простился и съ Сивковыми и съ Дуней. Ея прощанье было самое задушевное. Обливаясь слезами, до земли она преклонилась предъ своимъ избавителемъ, но благословенія не приняла—все-таки вѣдь онъ нѣкогда былъ.

На прощанье дала она отцу Прохору сторублевую. Сначала тотъ не хотѣлъ было брать, однако взялъ. Дуня обѣщала писать къ нему, никогда не забывать его благодареній и помогать ему въ трудной жизни его.

На другой день стали покупать необходимое для Дуни. Она была окружена самымъ теплымъ участіемъ и безконечными ласками Сивковыхъ. А Поликарпъ Андреичъ, зная теперь, что она единственная дочь у Смолокурова, говоритъ наединѣ своей Семеновѣ:

— Вотъ поторопились мы съ тобой Василья-то женить!—Вотъ бы невѣста ему. При теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло-то можетъ быть сладилось бы. Поторопились, поторопились. Милліонщица вѣдь

— Ужъ чего ты, батька не наскажешь,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила жена. Значить, не было на то воли Божіей. Да кто еще узналъ — пошла ли бы она за нашего Васильюшку.

— А отчего-жь бы и не пойти?—возразилъ Поликарпъ Андреичъ. — Чѣмъ парень не вышелъ? Взялъ и ростомъ, и дородствомъ, не обидѣлъ его Господь и красой, и разумомъ. Отборный женихъ. А главное то возьми въ расчетъ, что вѣдь милліонщица! Послѣ отца одной ей все достанется.

— Перестань, батька, пустяки городить! Взбрѣдетъ же такая чепуха въ голову,—сказала Степановна и ушла отъ мужа въ другую комнату.

Покупки были готовы, и Дуня собралась въ дорогу съ Акулиной Егоровной. Поликарпъ Андреичъ подрядилъ извозчика на долгихъ довести ихъ до того городка, гдѣ жилъ Марко Данилычъ. Рѣшено было ѣхать на другой же день, а между тѣмъ и Сивковъ и Дуня письма къ Марку Данилычу написали, ни однимъ словомъ однако не поминая о пожарѣ въ Перегоровѣ. Дуня увѣдомляла отца, что Марья Ивановна едва ли не до зимы пробудетъ у своихъ родныхъ и что знакомый ему Поликарпъ Андреичъ Сивковъ, войди въ ея положеніе, отправляетъ ее въ родительскій домъ съ надежной женщиной, своей сродницей.

На другой день послѣ того, какъ отецъ Прохоръ воротился домой, Аграфена Петровна къ нему пріѣхала. Сказанныя имъ слова, что Дуня «пропала безъ вѣсти» до того поразили вихоревскую тысячницу, что вся она помертвѣла и долгое время въ себя не могла придти. Отецъ Прохоръ догадался, что она непросто знакомая Смолокуровымъ, а что-нибудь поближе. Когда пришла въ себя Аграфена Петровна и немного поуспокоилась, сказалъ онъ:

— Изъ такой вашей тревоги долженъ я заключить, что вы не совсѣмъ чужая Авдотѣ Марковнѣ. Можетъ стать сродницей ей доводиться?

Не родная я ей, зато самая близкая, — едва слышнымъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ отвѣчала Аграфена Петровна. — Ахъ, Господи!.. Господи!.. Бѣда за бѣдой!.. Горе слѣдомъ за горемъ бѣжить!

— Вы сказали, что у Авдотьи Марковны родители при смерти лежатъ, — молвилъ отецъ Прохоръ.

— Да, съ нимъ ударъ, отвѣтила Аграфена Петровна. — Безъ движенія лежитъ, безъ языка. а какъ